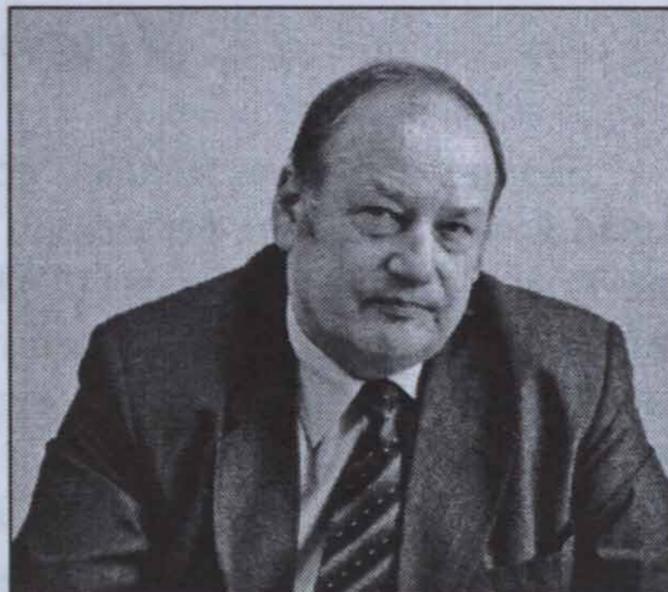

Станислав Сахончик

Станислав Митрофанович Сахончик родился в 1949 в семье военнослужащих в городе Кирове. С детства интересовался военной историей. Закончил мединститут, а после срочной службы в войсках ПВО в Приморье — Владивостокский мединститут, работал ассистентом. Провёл шесть лет в качестве судового врача на танкерах 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в разминировании Красного моря в 1984. Ныне — эксперт-эколог, живёт в Благовещенске.

Писать и публиковаться в областных СМИ начал в 2004 году. Дважды занимал первое место в конкурсах среди непрофессиональных писателей области, печатался в журнале «Новости российского судостроения», выпустил три книги рассказов о морской службе. Основная тематика — военная история, сатирическая и юмористическая проза на военную тему. Член содружества военных писателей «Покровский и братья».

Рассказы

Моя «военка»

НАВИГАЦКИЕ НАУКИ

Имели место летняя сессия пятого курса и госэкзамен по «военке». Поскольку наша мединститутская кафедра именовалась «кафедрой военно-морской подготовки», то и экзамены, соответственно, были с морским уклоном (или креном), надо сказать довольно значительным.

Учитывая то прилежание, с которым мы изучали военные дисциплины, успешная сдача экзаменов на приличную оценку представлялась весьма сомнительной. Поэтому утро у дверей кафедры ВМП напоминало по психологическому накалу известную картину Сурикова «Утро стрелецкой казни» с тоскливым ожиданием неминуемой расплаты за все прошлые грехи. Однако наши военные руководители явились на экзекуцию бодрыми и весёлыми, с шутками ввалились на кафедру и с ходу уселись за стол с красной скатертью. Народ настороженно притих: от бравых военных можно было ожидать чего угодно.

— Ну, и кто тут самый смелый? — зычно спросил начальник кафедры, круглолицый полковник медслужбы, кровожадно потирая руки.

Я тут же почувствовал увесистый толчок сзади и услышал шёпот Михалыча, нашего преподавателя по гражданской обороне: «Не дрейфь, сынок! Пять минут позора — и ты уже лейтенант!»

Отставник Михалыч, по его выражению, «уволенный от службы в градусе полуполковника с мундиром, шпагой и пенсионом», разодетый по такому случаю в парадную, изрядно пахнущую нафталином морскую форму, побрякивая

внушительным иконостасом наград, ещё раз незаметно, но увесисто пихнул меня рукояткой кортика так, что я почти влетел в экзаменационную комнату. Следом в ней таким же образом шустро появились ещё два «добровольца».

Так, теперь строевым к столу, доклад, взять билет, «огласить номер», поворот через левое плечо и на место. Сел, отдышался.

Итак, что мы имеем? А имел я вопрос о Керченско-Феодосийской десантной операции 1942 года, организацию медицинского обеспечения соединения боевых кораблей в условиях автономного плавания, тактику поэтапной медицинской эвакуации раненых с поля боя при высадке десанта в масштабах батальона морской пехоты и (тут сердце ухнуло) определение места корабля по двум и трём пеленгам с обозначением якорной стоянки. Математику я ненавидел с детства (надо сказать, что и она платила мне тем же), и последний вопрос, абсолютно простой для нормального человека, представлял для меня почти непреодолимую преграду.

Сверхускоренная штурманская подготовка, проведённая с нами в объёме целых пяти (!) часов, научила меня только уверенно отличать штурманскую линейку от логарифмической, дала общее представление о морских картах «меркаторской» проекции и позволила уяснить, что слова «секстант» и «секс» не имеют общих корней.

Совершенно убитый, я поплёлся к столу за картой, штурманской линейкой, компасом и остальными причиндалами. Все прочие вопросы меня не особенно волновали, в них я ориентировался относительно неплохо, но вот где и куда бросить якорь в порту Датч-Харбор на острове Уналашка из группы Алеутских островов — это была проблема. Только я сел за вычисления, только успел написать первые координаты и робко нанёс на карту пеленги, как меня уже вызвали.

Бойко отбарабанив незнакомому подполковнику медслужбы ответы на первые три вопроса, я пересел к седому капитану первого ранга. От «капраза» уютно потягивало добрым коньячком и дорогим одеколоном. Благосклонно выслушав моё невнятное бормотание, он спокойно взял мои вычисления, ухмыльнулся и нарисовал маленький якорёк... на вершине горы, в пяти милях от уреза воды. Так оно выходило по моим расчётам.

— Н-да-а! — протянул «капраз». — Это, как я понимаю, ваше окончательное решение? Тянете на мировой рекорд, юноша. Ну а если попробовать по логике?

Я ткнул карандашом на подходящие глубины в полумиле от берега на внешнем рейде рядом с фарватером. Угадал.

— Ладно, пойдёт! Конечно, ни хрена вы не знаете, но тройку поставлю. Какие из вас, прости господи, штурмана! «Железняки»! Песню помните? «Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону...» Первый советский штурман! Я вот двадцать лет плаваю — и то навигацию на троечку знаю. И ещё совет, юноша, — учите навигацкие науки. Кто знает, может, повезёт — и в море пойдёте. Поверьте, непременно пригодится.

С общей «четвёркой» и горящими от стыда ушами я вылетел из экзаменаторской. Вездесущий Михалыч хлопнул меня по плечу: «Ну что — порядок? То-то же. Пять минут — и всё! И не хрен было трястись!»

Следом вдвоём вылетели сияющие сокурсники — сдали все. Вечером в общаге, разумеется, неслабо отметили. Такое событие!

Как в воду глядел седой «капраз» — шесть лет потом отдал я военному флоту. И науку навигацкую пришлось на ходу постигать, у штурманов на мостике учиться, как место определять и курс прокладывать. Так что в жизни всё непременно пригодится, даже то, о чём никогда и не подозреваешь...

«КОННЫЕ ВОДОЛАЗЫ»

После сессии мы сразу же должны были отправляться на военные сборы. На кафедре быстро распределили кого куда. Не служивших ранее в армии отправили на боевые корабли и в морскую пехоту — «понюхать пороху и понять службу», а заодно и принять присягу, отслуживших срочную — на базы атомных подводных лодок и в морскую авиацию. Я, как старый и заслуженный воин, разумеется, получил почётное направление на базу дизельных подводных лодок в бухту Малый Улисс, находившуюся в городе и считавшуюся почти курортом.

Всем выдали арматурные карточки и направили во флотский экипаж в Моргородок — малость приодеться. Расторопные матросы-срочники во главе с мордастым мичманом быстро накидали нам «на выпуклый военно-морской глаз» по два комплекта морской формы (повседневной и рабочей) и по паре «гадов» — скукоженных, тяжёлых ботинок с засохшими сыромятными шнурками. Всё это добро с трудом влезло в вещмешок, бушлат и ботинки сиротливо притулились сверху. Так я из сухопутного сержанта запаса с ходу превратился в старшину первой статьи Тихоокеанского флота.

Весь вечер мы в общаге гладили и примеряли форму, пришивали погоны, натягивали белые чехлы на помятые бескозырки и тщетно пытались начистить до блеска заплесневелые башмаки. Наконец, поняв бесполезность попыток обретения нормального флотского облика, мы запили горе «Агдамом» и улеглись спать.

Утром у главного корпуса института собралась изрядная куча разномастно и мешковато одетых «военморов», среди которых светлыми пятнами выделялись пожёванные кителя офицеров с редчайшим для флота званием младших лейтенантов (некоторые парни успели на срочной окончить офицерские курсы), у многих из-под бескозырок и фуражек внушительно поблёскивали очки, у половины брюшко переваливалось через ремень, а трое вообще были с бородами.

На рослого Серёжу Завгороднего не нашлось в экипаже ботинок сорок восьмого размера, и он нагло сверкал белыми кедами из-под широченных, но коротковатых суконных брюк, а громадная бескозырка, почти квадратной формы с уникальной выцветшей доисторической надписью на ленточке «Подводные силы ТОФ», держалась на голове исключительно за счёт ушей. Всё это зрелище удивительно напоминало банду матросов-анархистов времен Гражданской войны.

В стороне, окидывая толпу «военных» ироничными взглядами, стояло с десяток невозмутимых и элегантно одетых флотских офицеров — «покупателей» от кораблей и частей.

Начальник кафедры, кое-как выстроив толпу новоявленных «мореманов» в некое подобие шеренги, окинул орлиным взглядом разнокалиберное и разноцветное воинство, тяжело вздохнул и зычно огласил вердикт:

— Ну, мля, и компания! Наш ответ мировому империализму — образцовая эскадрилья конных водолазов! Теперь-то мы янкесам точно всыплем! — На что строй «военморов» ответил понимающим дружным ржанием. Начальник кафедры был свойский мужик — хирург из бывших подводников — и шутил весьма своеобразно и, что главное, необидно.

В данном случае общая концепция о том, что советский военнослужащий должен одним своим внешним видом наводить ужас на потенциального противника, нами была вполне соблюдена. Слава флотскому экипажу!

— Р-разойдись! — И все «военные», громыхая ботинками, шустро разбежались к представителям своих частей.

В бригаду подплава мы ехали втроем — я, Слава Заливин и Толя Капитер. За нами на уазике-«таблетке» приехал молодой старлей — начальник аптеки. Уже через полчаса перед нами открылись ворота базы, обнесённой по периметру металлическими противолодочными сетями. Для нас снова начиналась военная жизнь.

ЛЕВ ИЗ ДУБОВОЙ РОЩИ

Бригада подводных лодок ещё с тридцатых годов располагалась в бухте Малый Улисс, имевшей по берегам густые дубовые заросли. Флотские островки, намекая на некоторую умственную неадекватность местного начальства, называли Улисс «дубовой рощей флота»: мол, тут «все дубы и все шумят». Но лично я дубоватых подводников никогда не встречал и, наоборот, с тех пор преисполнился к ним величайшим уважением.

Нас радостно встретил начмед береговой базы, невысокий, аккуратненький и весь из себя интеллигентненький капитан медслужбы Захар Адольфович Лев. Несмотря на грозную фамилию, всегда вежливый и предупредительный, он был, что называется, «в авторитете» у всего местного водоплавающего люда, поскольку, ко всему прочему, ещё имел и очень дефицитную кандидатскую степень по дерматовенерологии.

Специальность эта, в сочетании с относительно удалённым расположением базы, позволяла успешно, а главное, конспиративно помогать лицам старшего командного состава, «намотавшим на винт», пройти без отрыва от службы амбулаторный курс весьма специфического лечения с полной гарантией положительного результата. Поэтому был он желанным гостем во всех начальственных кабинетах флота.

Умный и практичный Лев радовался не зря: заполучив сразу трёх врачей для дежурств и приёмов, он мог спокойно заниматься своим любимым делом.

Он сразу раскидал нас дублёрами врачей по подразделениям: Славу оставил в санчасти береговой базы, Толю определил на торпедно-техническую базу, меня — на подлодку. Питались мы в офицерской столовой, жили в санчасти. А приключения начались уже на второй день.

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Направившись для начала обследовать столовую, наша троица (абсолютно не похожая по внешнему виду на обычных матросов из-за животиков и намечавшихся двойных подбородков) вдруг натолкнулась на резво куда-то летящего жизнерадостного и румяного капитан-лейтенанта. Тот резко затормозил и удивлённо на нас вытаращился. Мы, молча уставившись на него, на всякий случай вразнобой откозыряли.

— Откуда, бойцы? Что, уже из дома престарелых стали на флот призывать?

— Из «меда», тащщ кап-нант!

— А, студенты!

Каплей резко остыл и вполне нормальным языком разъяснил нам, что нынче все находятся на политзанятиях, что в базе матросам и старшинам надлежит ходить в рабочей робе с боевым номером на кармане, что вместо «похабных» бескозырок у нас на головах должны быть нормальные пилотки, как у всех порядочных подводников, и что передвигаться безопаснее всего либо строем, либо тихонечко по боковой дороге. Не дай бог попасться на глаза адмиралу! Ныне он свирепствует. Не посмотрит, что «партизаны», — в пыль сотрёт! Матку вывернет!

Перспектива «выворачивания матки», несмотря на её полную анатомическую и физиологическую абсурдность, серьёзно нас озадачила.

Делать нечего, вернулись в санчасть, достали из вещмешков и погладили синюю колом стоящую робу, взяли из баталерки старые чёрные пилотки. Встал вопрос с боевыми номерами. Общий принцип нумерации на подводных лодках и последовательность букв и цифр были понятны: боевая часть или служба — отсек — боевой пост — смена. Но как быть нам?

— А хрен ли тут думать, господа военные? — сказал сообразительный Слава Заливин. — Служба — «М» (медицинская), а далее цифрами — цены на наши любимые напитки. Трафареты и краска в санчасти есть.

Мужик сказал — мужик сделал! Через час три бравых моряка в отглаженных чистых робах, чёрных пилотках набекрень и с произвольными боевыми номерами на белых полосках на карманах уже топали начищенными «гадами» строем пеленга по боковой дороге в сторону столовой.

Старший мичман, завстоловой, завидев нашу «нумерацию», икнул и закатился хохотом, вытирая слёзы. Оценил — сразу видно понимающего человека. А как ещё было расценить наши номера М-2-87, М-3-62, М-4-12?

Напомню, что в те далёкие и романтические времена 2 рубля 87 копеек стоила обычная водка, 3-62 — «Московская» и 4-12 — 45-градусная «Хмара» (с серым облачком на этикетке). Целую неделю мы спокойно ходили по базе с

этими номерами, пока однажды Лев, собрав нас вместе на занятия, пристально взглядевшись, не разоблачил нашу мистификацию и, деликатно кашлянув, настоятельно не порекомендовал эту гадость убрать. А мы ничего, даже привыкли.

«ПОЛИТМОРСОС»

Настал святой день для флота — политзанятия. В этот день все моряки в наглаженной «форме № 3» чинно садились за столы в ленкомнатах, выкладывали конспекты и готовились слушать что-либо из исторических решений партийных съездов. Политико-моральному состоянию («политморсосу») личного состава на флоте уделялось огромное внимание. Ты мог чего-то не знать по боевой подготовке, но уж фамилии членов Политбюро — наизусть и «от зубов».

Капитан Лев, решительно отбраковав Славу и Толю за слишком «старый» вид (им катило за «тридцатник»), послал меня на политзанятия экипажа подлодки «Б-350», к которой я был приписан. Я срочно переоделся в новую «форму-3» одного из больных, наспех нашёл старшинские погоны и почти бегом побежал в казарму. Прибежал вовремя. Сел в компанию со старшинами, которых уже успел узнать за несколько визитов на лодку. С удивлением увидел у них в руках книгу «На страже Родины» того же выпуска, что и на моей срочной службе семь лет назад. Те же аляповатые картинки, на которых доблестный воин, держа в руке противотанковую гранату размером с добрую кастрюлю, бесстрашно атакует дюжину скособоченных и пылающих немецких танков. Какие уж тут патриотические чувства от таких комиксов.

Началось! В кубрик вошли несколько офицеров — лодочный замполит и пара лейтенантов из политотдела, проверяющие. Для начала проверили наличие конспектов, потом стали задавать разные дурацкие вопросы, от которых меня (прошедшего полный институтский курс марксистско-ленинской философии, политэкономии и истории КПСС) просто корёжило. Мне, правда, задали вполне достойный вопрос об авианосцах 7-го флота США, и тут я, вспомнив самопальный стишок семилетней давности, наизусть отбарабанил:

«Энтерпрайз», «Тикондерога»,
«Орискани», «Саратога»,
«Бон-омм Ричард» и «Хэнкок»,
«Мидуэй» и «Китти-Хок»!

Знай наших! В ПВО тоже чему-то научились. Неважно, что «Тикондерога» — это крейсер УРО (управляемого ракетного оружия), главное — в рифму. Сошло и так!

И тут подняли матроса Шуру Подопригору. Шура был, по современным понятиям, «полный тормоз», из полтавских хохлов, этакий гарный парубок, дитя сала, цибули и горилки. Бывший сельский механизатор, на лодке он был дизелистом, хотя в основном использовался боцманом для перемещения разных грузов в го-

ризонгальной и вертикальной плоскости, поскольку обладал очень приличной мускулатурой и лошадиной работоспособностью. Когда Шура начинал соображать, он краснел (видать, перегревался) и покрывался крупными каплями пота.

— Скажите, матрос Подопригора, кто наши враги? — с ходу оценив Шурин интеллект, задал простейший вопрос лейтенант-политотделец.

Шура «затормозил» и начал мучительно краснеть.

— Ну вот же они, посмотрите на плакаты на стене, — дрожащим голосом подсказал замполит, указывая на стену, где висели плакаты, на которых были написаны государства — члены военных блоков НАТО, СЕАТО и прочих. Матросы тоже исподтишка показывали Шуре на плакаты.

Шура, просияв ликом, понятливо кивнул и направился... к портретам членов Политбюро. Все замерли, не дыша, особенно замполит, у которого буквально отвисла челюсть. Даже члены Политбюро, казалось, с ужасом смотрели со стены на матроса Шуру, как члены Учредительного собрания на матроса Железнякa.

Шура остановился у портретов, внимательно на них посмотрел, вытер капли пота со лба и, выпав из ступора, выдавил: — Не-а! Вроде как не они!

И ткнул указующим перстом в сторону блока НАТО. Слава те, господи, допёр...

Все облегчённо вздохнули, а из замполита сразу как будто весь воздух вышел. Политзанятия быстренько свернули от греха подальше, офицеры ушли, оставив мичмана почитать нам книгу «На страже Родины». Читать, разумеется, никто ничего не стал, но поржали над Шурой здорово!

Я рассказал ребятам, как у нас в институте вёл занятия по партполитработе капитан первого ранга Борис Михайлович Байбородов, мы его звали БМБ. Монологи, достойные театра.

— Товарищи студенты! Политический смысл может быть заложен в любое произведение искусства. Главное, чтоб был базис и, товарищи, надстройка. Возьмём, к примеру, обыкновенную частушку: «Как у Маньки в ж... гм-м, в общем, кое-где, разорвалась клизма». Это и есть базис! И далее: «Ходит-бродит по Европе призрак коммунизма». А это уже, товарищи, и есть политическая надстройка! Или вот, товарищи, возьмём балет «Лебединое озеро». Скачут, значит, себе мирные белые лебеди у озера, как вдруг из-за кулис выскакивает буржуй в цилиндре и с атомной бомбой в руках! Вот это и есть империалистическая политика — помешать мирному сосуществованию.

Конечно, от таких лекций мы просто лежали на столах. Матросам, кстати, это тоже понравилось, и все разошлись по кубрикам вполне довольными. «Политморсос» у личного состава ПЛ «Б-350» был в порядке.

НА ЛОДКЕ

Дизель-электрическая подводная лодка 641-го проекта «Б-350», в экипаже которой я числился дублёром начальника медслужбы, стояла в базе у второго пирса в ППР (планово-предупредительном ремонте). В тот день был сильный утренний туман и она еле вырисовывалась в белом «молоке». По пирсу расхля-

банной походкой разгуливал матрос с автоматом, усиленно изображая из себя бдительного часового. Через открытый люк для погрузки торпед матросы передавали внутрь ящики с консервами, сопровождая этот процесс приглушёнными туманом матюками. Часовой вызвал мичмана, тот провёл меня в рубку.

Первое знакомство с конструктивными особенностями подводных лодок оказалось не очень успешным — при спуске по скоб-трапу в центральный пост (ЦП) я довольно болезненно наткнулся кормовой частью на заботливо подставленную швабру. Кто ж его знал, что спускаться в ЦП надо не задницей вперёд! Мы же этого на кафедре не проходили.

Отсмеявшись, стоявший внизу старпом рассказал байку про то, как на Камчатке, в Рыбачьем, инспектировали лодку высокие сухопутные чины из Главного политического управления. У них на глазах несколько матросов-срочников, шутки ради, проскочили в люк ЦП вниз головой, цепляясь носками «гадов» за скоб-трап. Один из полковников, приняв это за чистую монету, тоже рискнул и... был пойман внизу на заранее приготовленный матрас. Такие вот невинные шутки.

Во время скоростной экскурсионной пробежки по отсекам я несколько раз крепко приложился лбом к разного рода железякам, вляпался рукой в смазку на торпедной носовой торпедной и насажал соляровых пятен на робу в дизельном отсеке. На меня обрушилась лавина всяческой информации про системы ГОН, ЛОХ и ДУК. Но самое страшное впечатление после торпед на меня произвёл подводный гальюн с его системами выравнивания давления.

А ежели его не выравнивать — то, что ты туда под давлением направил, под ещё большим давлением моментально вернётся обратно. Представьте такую картину в домашнем санузле, и вы поймёте, почему я так ни разу и не решился это заведение посетить. Больно уж сложно, мы лучше так, пешком постоим...

Вдобавок старший матрос-дизелист, «годок» (флотское название старослужащего), ехидная рожа из москвичей, намекая на моё сухопутное звание, назвал меня «старшиной первой гильдии», за что был сразу же произведён мной в «ефрейторы по адмиралтейству». Причём обе клички сразу же прижились.

Во избежание дальнейших недоразумений, а также для придания боевого духа, старпом послал меня на УТС (учебно-тренировочную станцию) попрактиковаться в борьбе за живучесть. Пришлось полдня вместе с молодыми матросами провести в отсеках старой подлодки, то туша «пожары», натянув на себя маску ИДА-59, то заделывая «пробоины». Правда, попытка выпихнуть меня наружу через носовой торпедный аппарат закончилась неудачей. Ну не хотел я этого!

Через два дня мы ненадолго сходили в море, пару раз «нырнули», пробежали мерную милю, полигон размагничивания и вернулись в базу. На лодке мне не очень понравилось (я вылезал из своей каюты только на обед, занимаясь «шибко секретным» газоанализатором ПГА-ДУ образца 1958 года), но подводников я с тех пор крепко зауважал. Не каждый способен вот так служить, словно в запаянной консервной банке, ничего не видя, кроме своего боевого поста. К тому же на лодку набилось множество офицеров-штабников, которым нужен был выход в море для «галочки» и которые торчали в каждом отсеке.

Когда мы проходили в бухту Улисс, старпом, сжалившись, вызвал меня наверх, для общего развития полюбоваться пейзажем. По правому борту стояли суда бригады вспомогательного флота: ледоколы «Пересвет», «Илья Муромец» и новенький красавец танкер «Владимир Колечицкий» в шаровой окраске, с башнями зенитных автоматов на баковой надстройке. Он только что прибыл из Ленинграда, пройдя несколько тысяч миль.

Я с завистью посмотрел на них, отнюдь не предполагая, что через каких-то четыре года сам буду с палубы «Ильи Муромца» смотреть на проходящие в бухту лодки, а на «Колечицком» прослужу три года, пройдя многие тысячи миль в пространстве от моря Охотского до моря Средиземного.

Спустя две недели мы сфотографировались с капитаном Львом у рубки-памятника погибшей в войну подлодки «Л-19» и с лёгким чувством грусти отбыли на той же «таблетке» в экипаж. Сдали форму и снова стали студентами, разъехавшись по стройотрядам. «Военка» кончилась, оставив в памяти только хорошие воспоминания, склонность к ношению тельняшек и ощущение причастности к флотским делам.

Операция «Мисиписи»

Полуторагодовой рейс танкера «Владимир Колечицкий» заканчивался для экипажа не очень удачно. Ещё на подходе к Владивостоку нас предупредили, что долгожданных отпусков пока не предвидится ввиду каких-то там намечающихся флотских мероприятий. Неприятные чувства ещё усугубили борзые таможенники, которые начали «шмонать» наши вещи, находя крамолу и контрабанду там, где мы даже и не подозревали перед выходом. Один такой орёл у меня в каюте объявил запрещёнными к ввозу половину моей коллекции пластинок и кассет. На мой резонный вопрос, почему этого не было в перечне запрещённых к ввозу предметов, с коим нас знакомили перед рейсом, таможенник что-то неразборчиво буркнул. Тут уж такая злость накатила, нервы не выдержали, и я просто вывалил в открытый иллюминатор отобранные им пластинки и кассеты. Шумные всплески в ночной тиши за бортом засвидетельствовали прибытие груза по назначению.

Ошарашенный таможенник что-то завопил о последствиях типа лишения визы и прочих прелестях, ожидающих меня в будущем. Я только расхохотался в ответ — за последние три года я был дома только полтора месяца, изрядно одичал и превратился в настоящего морского бродягу. Пребывание в каботаже или стажировка на берегу в поликлинике явно бы не повредили и запутанным семейным отношениям. Так что иди, дружок, сам поплавай! Потом, разумеется, мне (и не только) перепало от помполита, но это уже было дело привычным.

В том, что нам фатально не везёт, мы лишний раз убедились, когда вместо праздничной встречи с оркестром на причале вспомогательного флота мыса

Артур танкер поставили на флотскую нефтебазу на мысе Голдобина и начали заливать топливом пустые танки. Судя по наличию авиационного керосина, нам предстояло работать с авианосцами, а они близко не ходят.

И сход на берег разрешили только на пару дней, и получку не выдали. Но всё равно холостой народ завис по кабакам и пивным точкам, торопясь урвать свой кусочек свободы и наверстать упущенное.

На следующий день я заступил вахтенным помощником. С утра на судно повалило начальство — флагманские специалисты из штаба бригады во главе с комбригом, «чёрные полковники» из Морской инспекции и два капраза из «Пентагона» (штаба Тихоокеанского флота). Я проводил их в ходовую рубку. Задача у них была простая — обеспечить выход танкера на учения любой ценой.

Нам после длительного похода был положен планово-предупредительный ремонт в базовых мастерских, диагностика главного двигателя (начал барахлить), предстояла масса работы у электромеханика (неисправности главного распределительного щита), и в довершение всего ещё и не работали двигатели на четырёх спасательных шлюпках из шести (элементарно закисли и требовали переборки). Всё это можно было сделать за пару недель, но недель-то как раз и не было.

Вокруг капитана со старпомом на мостике начались сценки, слегка напоминающие ритуальные камлания шаманов с их плясками и заклинаниями, абсолютно не похожие на конструктивный диалог. Причём соло на бубне исполнялось командиром бригады. Капитан, на котором по выходе в море лежала вся ответственность, естественно, не хотел идти в дальнейшее плавание с такими неполадками, разнокалиберное начальство с воплями и истерикой настаивало на выходе. Их можно было понять: не выйдет танкер в срок — мало никому не покажется. Точку в споре положил примчавшийся на «Волге» капраз из политотдела флота с протокольным выражением аскетического лица. Этаким Суслов из Политбюро.

— Так вы отказываетесь выполнить приказ командующего флотом? — спросил он хорошо поставленным угрожающим голосом. — Тогда мы вас снимем с должности, и вместо вас пойдёт старпом. Он, наверное, давно хочет стать капитаном? А, старпом?

— Мечтаю, мля! Но не здесь и не сейчас! — вежливо и хладнокровно ответил наш чиф Михалыч. Старпом был мужик строгий и справедливый и на такую поганку никогда бы не пошёл. На флотах такое не прощают.

— Хорошо. Если так ставится вопрос — мы выходим, — хмуро сказал капитан. — Но я вас предупреждал.

Начальство радостно загомонило, «чёрные полковники» кинулись не глядя ставить печати на разрешительные бумаги. Проблема была снята (для них) и переложена на плечи капитана (для нас). Дальнейшее их уже не интересовало: дамоклов меч просвистел мимо их голов, нацелясь на капитанскую шею.

На расстроенного кэпа было жалко смотреть, и я потихоньку слинял из рубки. Да и дел на дежурстве было полно — у трапа уже стояли машины флотского автобата с продовольствием, а по левому борту швартовался водолей с

котельной водой. Поскольку больше «морщить репу» в официальном режиме не было необходимости, начальники закрепили консенсус коньяком и, радостно гогоча, покинули борт. Как только отзвенел последний звонок на трапе за офицерами, капитан собрал командиров в кают-компанию, и все стали крепко думать, как жить дальше. Больше всех было забот, разумеется, у стармеха с его механиками и мотористами.

Утром, после подъёма флага, мы вышли на рейд и после обеда уже были в бухте Стрелок, откуда уходила эскадра.

Хмурый капитан на совещании поставил задачу не менее хмурому экипажу:

— Мы должны будем принять участие в командно-штабных учениях Тихоокеанского флота, которые проводятся под флагом командира 10-й оперативной эскадры. Задача прежняя — обеспечение снабжения боевых кораблей на ходу. Выходим в Японское море, затем Цусимским проливом в Тихий океан, там работаем — и через Охотское море идём в базу. Понимаю, мы все устали, но работа впереди предстоит серьёзная, соберитесь. Учения будут ориентировочно три недели. Потом ремонт и отпуска.

И вот снова открытое море, уже изрядно осточертевшее. Над эскадрой сразу закружились японские «Нептун» и «Орион», с них в воду посыпались акустические буи. На почтительном удалении шли японские эсминцы и сторожевики. Мировой империализм показывал свой звериный оскал. С утробным рёвом над мачтами танкера пронёсся громадный четырёхмоторный гидросамолет PS-1 в бело-синей окраске и красными кругами «хиномару» на крыльях и фюзеляже.

— Ты гляди — какой здоровый сарай, а так лихо летает, — заметил боцман Юра Апостол, провожая взглядом удаляющийся силуэт.

«Войнушка» началась пугающе красиво. Серые утюги боевых кораблей угрюмо резали форштевнями Японское море, навеяв мысли о близких сражениях. Мы шли в отдалении от эскадры и несколько впереди — кораблям ещё предстояли боевые стрельбы и маневрирование. Да и погода серьёзно ухудшилась — пошли снежные заряды, поднялся шторм.

Мы были недалеко от американского авианосца «Мидуэй», шедшего параллельным курсом, и с удивлением наблюдали, что при волне, достающей почти до палубы этой громадины, на нём производились полёты. Все машины авианосца, включая вертолёты, самолет ДРЛО «Хокай» (летающий радар) и транспортный «Трейсер», поднимались в воздух с паровой катапульты и садились на палубу, напоминая хорошо отлаженный конвейер. Порой авианосец терялся в серой мгле, и только красные точки двигателей самолётов были видны через снежную муть. Поскольку я на пароходе «отвечал за авиацию», считать самолёто-вылеты и определять типы самолётов пришлось мне. Взлётов и посадок было 150 — впечатляющая цифра. Один штурмовик А-7 «Корсар» так просел при взлёте, что чуть не зарылся в волну, накрывшую нос корабля, но вырвался, весь в брызгах.

Наши «вертикалки» Як-38 в то время летали только в ясную погоду и по 20 минут. Янки показали класс, надо отдать им должное. Ничего не попишешь

— у них авианосцы чуть не с Первой мировой, громадный опыт и отлично обученные пилоты. А мы ведь тогда, по сути дела, только начинали.

Наш танкер, несмотря на то, что мы шли полностью загруженные, тоже мотало изрядно.

Пока мы потихоньку шли к выходу из пролива, наши корабли провели учебные стрельбы и проскочили в Тихий океан. Там, перестроившись в кильватерную колонну с охранением, соединение двинулось в сторону Гавайских островов. К нам на борт посадили двух капитанов третьего ранга и матроса-шифровальщика для оперативной связи. Офицеров, отрекомендовавшихся Валентином и Денисом, поселили у меня в лазарете, мужики были с «белых пароходов», стоявших на 37-м причале. Грамотные, умные и, главное, без солдафонства. А наличие у меня некоего запаса «шила» и общих интересов ещё более способствовало сближению в вечерних беседах. Благо мой медицинский отсек можно было задраивать наглухо.

В стороне, милях в пяти, шла такая же колонна американцев во главе с атомным авианосцем «Энтерпрайз» и штабным кораблем 7-го флота США «Блю Ридж», состоявшая из фрегатов, десантных кораблей и судов снабжения.

Между колоннами, опасно маневрируя, вертелся американский фрегат «Кирк» типа «Нокс». Наблюдал. Белые цифры «1087» на его борту так и мелькали в окулярах бинокля.

Капитан, периодически поглядывая в раструб радара, промолвил:

— Красиво идём — в две колонны, почти идеально параллельно. Вроде гонок пароходов на Миссисипи!

— Гонки на Миссисипи! А что, неплохо бы там погоняться! — откликнулся вахтенный штурман Слава Чуприн.

Рулевой, матрос первого класса Серёга Цема, не отрывая взгляда от картушки компаса, задумчиво произнёс:

— А Миссисипи — это где? — Серёга был не силён в географии.

В рубке поднялся хохот, на все лады повторялось слово «Миссисипи».

Даже капитан улыбнулся и сказал:

— Вот так мы этот поход и назовём. Операция «Миссисипи»! А что, неплохо звучит. На страх мировому империализму. Нехай трясутся!

На мостик зашёл радист Сергей Молодов и передал капитану радиogramму. Тот быстро прочёл и сказал:

— Ну вот, шутки в сторону, начинаем реализацию операции «Миссисипи». Через два часа заправляем «Новороссийск» и БПК «Чапаев». Ход 12 узлов. Передаём котельную воду и мазут траверзным способом. На БПК — ещё и продовольствие в ящиках. Старпом! Вооружить шланги и сухогрузную дорогу по правому борту.

И закипела работа. Для обученного и слаженного за полтора года экипажа танкера эта заправка прошла даже с некоторым изяществом.

Громадина «Новороссийска» нависла с левого борта, полетели выброски, потянулись шланги по тросам траверзных передач. Теперь надо было идеально держать скорость и не рыскать по курсу. Навал авианосца на танкер грозил для нас весьма серьёзными последствиями. А тут ещё «Чапаев» с левого борта.

Но ничего, справились. Бывало, по четыре корабля зараз на ходу заправляли в Красном море, — правда, погода там была штилевая. А сейчас волнение было трёхбалльное.

Сложно было понять, чем занимаются наши боевые корабли, хотя было видно, как крутятся антенны локаторов, появляются и исчезают ракеты на пусковых, крутятся орудийные башни. Шла обычная работа, хоть и учения — но по вполне реальным целям. Янки занимались тем же.

Мы наблюдали в бинокли, как идёт заправка двух кораблей у американцев. Тоже траверзным способом шло горючее, только контейнеры и грузовые «парашюты» с ящиками таскали вертолёт СН-46 «Си Найт». Мы до этого явно ещё не доросли. Да и на хрена гонять вертолёт, когда всё можно сделать гораздо проще.

Фрегат «Кирк» вдруг заинтересовался нашей заправкой, с него поднялся издали похожий на валенок вертолёт «Си Спрайт» в красивой оливковой раскраске с белыми надписями и бортовым номером «17», завис неподалёку, а высунувшийся из люка лётчик с кинокамерой фиксировал на плёнку весь процесс заправки.

— Опять Гордей баксы отработывает! Всё ему никак неймётся, — задумчиво произнес кап-три Валентин, глядя в бинокль на вертолёт.

— А ты откуда это знаешь? — изумился я такой осведомлённости.

— От верблюда! Зовут этого хлопца Гордон Перманн, фотограф 33-й эскадрильи. Подробности потом.

За вечерними посиделками Валентин, сжалившись надо мной, рассказал историю с этим вертолётком. С месяц назад «Кирк» пас наш шпионский пароход «ССВ», мирно стоявший на якоре у территориальных вод СССР. Вертолёт постоянно крутился возле судна и нахально лез на границу тервод. Наши вызвали вертолёт. Прилетели два «крокодила» Ми-24 со злыми пилотами, недавно вернувшимися с Афгана. Они зажали янки сверху и снизу, образовав «бутерброд», и прессовали его винтами до тех пор, пока он не подал сигнал бедствия и на последних каплях горючего не плюхнулся на корму фрегата, чуть не подломив шасси. «Крокодилы» сделали ещё пару заходов на «Кирк» и гордо удалились.

— А фамилию-то откуда знаешь?

— Ну это, брат, уж наши дела. Штатским докторам знать не положено.

— А всю авиацию стран НАТО штатским докторам знать положено?

— А будто знаешь?

— А вот и знаю! Я ж на пароходе вроде эксперта по этим делам.

Забились на два пузыря коньяка, что я угадаю все типы иностранных самолётов из ихнего справочника. Поставили справочник в угол каюты, закрыли названия и показывали только силуэты. К их удивлению, я угадал 98% всех указанных типов, включая экспериментальные.

— Ну, брат, потряс. Не ожидали...

А удивляться было нечему. С детства я занимался авиамоделизмом, служил срочную в ПВО, там и поднабрался. Плюс постоянная практика по реальным целям в разных точках планеты.

Коньяк (где его в море возьмёшь) был заменен «шилом» из шифровального запаса в адекватной пропорции. «Шило» растянули на неделю — всё же на службе.

А тем временем наша грозная армада двигалась по направлению к Пёрл-Харбору.

Разумеется, никто не собирался устраивать янки декабрь 1941 года с непредсказуемыми последствиями, но условный удар корабельными ракетами и баллистическими ракетами с атомной подводной лодки К-360 по Пёрл-Харбору был всё же нанесён. Виртуально разгромив осиное гнездо мирового империализма на Тихом океане, эскадра, с сознанием выполненного долга, сделала поворот «все вдруг» и направилась бродить по Тихому океану. Дружная компания американцев также следовала параллельно с нами, каждый стремился максимально использовать возможность поучиться на реальных целях. В небе густо роились самолёты с «Мидуэя», «Энтерпрайза» и «Новороссийска». Это была настоящая выставка палубной авиации, причём активно действующая.

Во время очередных вечерних посиделок Валентин сообщил, что один наш Як-38 при стрельбе НУРСами по бурной мишени вlepил снаряды в непосредственной близости от нашего приятеля — фрегата «Кирк», который нагло вертелся у места стрельб, невзирая на предупреждения. При втором залпе одна ракета С-24 влетела почти под форштевень фрегата, вторая — упала в ста метрах от правого борта. «Кирк» рванул полным ходом поближе к своей эскадре, жалуясь открытым текстом на коварных русских. Пилот «Яка» отделался устным выговором и обещанием, что больше не будет.

А один из наших вертолётов Ка-27 с «Николаева» промазал при посадке мимо площадки и плюхнулся в воду за кормой БПК. Однако пилоты не растерялись и со второй попытки посадили вертолёт. Отделались только помятым днищем фюзеляжа и минут пятнадцать после посадки сидели с выпученными глазами. Пронесло...

Надо сказать, что все действия происходили в условиях волнения три-четыре балла. А затем разыгрался самый настоящий шторм. Американская эскадра скрылась в серой мгле, и даже «Кирк» виднелся только в виде серого крохотного пятнышка, болтавшегося где-то на шкентеле. Танкер медленно переваливался в килевой качке, нос зарывался в воду до самой баковой надстройки. О заправках можно было ненадолго забыть. Неподалёку нырял в волнах танкер нашей бригады «Илим», ему приходилось гораздо хуже — водоизмещение вполовину меньше нашего. Волны свободно перекатывались по его палубе, порой накрывая корпус до самой фок-мачты. С танкера «Абакан» смыло слабо принайтовленные бочки, от которых пришлось уворачиваться. А на сторожевики вообще страшно было смотреть — их просто валяло, как детские игрушки в ванне. Представляю, скольких пацанов-первогодков выворачивало наизнанку в гальюнах.

Ввиду бесперспективности дальнейшего созерцания супостатов наша тёплая компания после вечернего чая собралась в медицинском отсеке — обсу-

дить перед сном текущий момент. В ход пошло «шило» из моих запасов, приправленное настойкой боярышника и витаминками «Гексавита» (рецепт моего армейского начмеда). Вещь вкусная и полезная, — разумеется, при условии соблюдения разумных пропорций. Разводили как обычно — доводя градусы строго «по широте», предварительно позвонив на мостик вахтенному штурману, обещая оставить стопарик «на после вахты». Поскольку слово всегда сдерживалось, отказа от штурманов по координатам не было.

Валентин поведал о недавних делах наших доблестных авиаторов. Летуны, расхрабрившись, провели учебный перехват пары бомбардировщиков «Б-52», летевших с базы на Гуаме в обычный патрульный полёт. То-то янки, наверное, удивились, увидев маневрирующие крохотные синие «Яки» вблизи своих восьмимоторных громадин. Заодно пилоты с «Новороссийска» перехватывали наши Ту-95РЦ и лихо стреляли ракетами по бурунным мишеням, делая в день по 30 самолёто-вылетов. В общем, мужики оказались на должной высоте. А ведь взлёт «вертикалки» с качающейся палубы «Новороссийска» — само по себе дело опасное, не говоря уже о посадке.

Выпили с мужиками за доблестных лётчиков морской авиации, посидели, вспоминая походы и разные смешные и серьёзные случаи из моряцкой жизни. А их у офицеров с разведывательных кораблей было великое множество. Особенно интересно было про похождения возле американских полигонов.

Вспомнили и про недавние события — сбитый в позапрошлом, 83-м, в этих местах южнокорейский «Боинг-747». Наш танкер как раз участвовал в операции по подъёму его остатков.

Тогда согнонали со всего Дальнего Востока всё плавающее, что могло тащить трал. Чесали пролив Лаперуза в районе острова Монерон и на всём протяжении. Причём американцы и японцы этому активно препятствовали. Несколько раз американцы форштевнями рвали кабеля подводных телекамер. Всю компанию ненадолго разогнал шторм, который «Колечицкий» стойко выдержал на рейде Невельска.

Тут нас опять несказанно удивил Валентин, поведав, что в апреле 83-го года две эскадрильи штурмовиков А-7 «Корсар-2» с наших «приятелей»-авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз», нарушив воздушное пространство СССР, провели условное бомбометание по острову Зелёный на Курилах. Командир корпуса ПВО поосторожничал, запросил Москву. Пока дождался ответа, янки улетели. Генерала сняли с должности, поставив генерала Корнукова, мужика жёсткого и решительного. Тот и не побоялся дать приказ сбить «Боинг».

Вскоре к нам присоединился второй механик Семёныч, сменившийся с вахты. Семёныч, слывший у нас мастером разговорного жанра, внёс оживление в нашу компанию, рассказав пару весёлых историй из времён югославского ремонта.

На следующий день шторм поутих. Соединение наших кораблей повернуло на север, в сторону Курил. Стало заметно холоднее, мы постепенно возвращались из тропиков в зиму, что не совсем радовало нас, за полтора года рейса привыкших к теплу.

Студент мединститута
Станислав Сахончик
на военных сборах. 1976 г.

У острова Монерон (пролив
Лаперуза) во время операции по
подъёму сбитого южнокорейского
«Боинга». 1983 г.

Танкер «Владимир Колечицкий» (справа) заправляет
топливом авианесущий крейсер «Новороссийск». 1985 г.

Гордон Перманн,
фотограф 33-й эскадрильи
ВМС США

Советский военный вертолёт
Ми-24 (слева) принуждает
американский вертолёт «Си Спрайт»
к посадке на палубу фрегата «Кирк».
1985 г.

Фрегат «Кирк» во льдах
Охотского моря

Начали заправлять сторожевики «Ревностный» и «Порывистый». БПК «Таллин» и «Ташкент» заправлялись от «Илима». После пополнения запасов на боевых кораблях к нам подошёл разведывательный корабль, куда пересадили офицеров и шифровальщика. Мы тепло простились, договорившись встретиться во Владивостоке в ресторане «Челюскин».

Через курильский пролив Екатерины кильватерная колонна кораблей прошла в Охотское море, в котором после шторма носило битый лёд и целые ледовые поля.

И тут опять прославился вездесущий фрегат «Кирк». С «Новороссийска» его из вежливости пригласили пристроиться в нашу колонну. Янки, обалдев от такой радости, встал в кильватер нашим кораблям и прошёл через пролив. Но коварные русские и здесь его подловили. По радио строгим голосом было объявлено, что американскому кораблю, проникшему в территориальные воды СССР, надо их незамедлительно покинуть. А фрегат уже основательно притёрло льдами. Тут уж американцы задёргались, не зная что делать. Вдоволь поизмывавшись над «Кирком», наши сжалились, дали в помощь ледокол «Ермак», который и вывел американца на чистую воду. Оттуда он в сопровождении сторожевика рванул до Хоккайдо. С эскортом сторожевика и самолётов.

А в Охотском море эскадру уже поджидали ледоколы «Ермак» и «Илья Муромец». С удовольствием посмотрел я на мой бывший первый пароход. «Илюша» выглядел вполне основательно и солидно, хотя и был таким маленьким по сравнению с танкером.

«Новороссийск» встал за «Ермаком», следом пристроились другие боевые корабли. У них продолжились учения с боевыми стрельбами в присутствии Главкома ВМФ. С последующим разбором полётов и раздачей «люлей».

А вот вспомогательные суда остались позади: запасов на кораблях с избытком хватало до конца учений, и в нас больше не нуждались.

Мы прошли в Охотское море уже миль 15, когда произошло то, чего мы все втайне опасались. Сработал пресловутый закон Мерфи: «Если что-то должно произойти, то это непременно происходит», — вышел из строя главный двигатель. На судне настала непривычная, зловещая тишина. Работал только вспомогательный дизель. Танкер медленно дрейфовал в сторону острова Симушир.

Корабли ушли далеко вперёд, мы замыкали караван вспомогательного флота. Дали радио на флагман, к нам направился шестиузловым ходом старина «Муромец» — больше через сомкнувшиеся льды он дать не мог. На непривычно притихшем танкере стало неуютно: уже показались клыки рифов с белой пеной прибоя, и замаячила реальная перспектива медленно и с достоинством присесть на камни. Моя разбушевавшаяся фантазия уже рисовала жуткие картины катастрофы: танкер на рифах с пропоротым днищем, всё море в мазуте — и мы на неработающих шлюпках, без тёплой одежды, медленно замерзая, болтаемся на волнах.

К счастью, механики исправили повреждения, и гул главного двигателя вновь вернул танкер к жизни. Паники среди экипажа не было — все спокойно

несли службу на своих местах. А тут и «Муромец» подоспел. Мы встали за его кормой, и танкер, шурша бортами о битый лёд, медленно пошёл к чистой воде.

Дальше было уже проще. Охотское море необычно приветливо встретило нас солнечной погодой, ледовые поля сменились редкими льдинами, и мы попрощались с ледаколом. «Муромец», прогудев басом, развернулся и пошёл обратно в Петропавловск.

Потом было Японское море, покраска ободранных о лёд бортов во время короткой стоянки в бухте Владимира. И, наконец, залив Стрелок, бухта Руднева. Там мы раздали остатки топлива по кораблям и к вечеру подошли к своему причалу на мысе Артур. Тут уж были и оркестр, и радостное начальство, и родные лица. Потом был ремонт, и в ноябре танкер снова пошёл в Красное море. А в январе произошёл переворот в Адене. Но это уже другая история.

Так закончилась для нас операция «Мисиписи». А вообще-то это было последнее крупное командно-штабное учение в истории Тихоокеанского флота СССР. Больше таких учений в истории флота не будет. А жаль!

«Обуть» Абдуллу

В период несения боевых служб в Индийском океане и Красном море нашему танкеру часто приходилось хаживать Суэцким каналом. Заход в канал — через Суэц из Красного моря и через Порт-Саид из Средиземного — всегда сопровождался необходимыми формальностями со стороны египетских портовых властей. Их представляли таможенники, лоцман, ещё два-три различных чиновника — и, само собой, санитарный врач.

Разумеется, в Суэце и Порт-Саиде санитарными врачами были разные люди, но повадки у них были совершенно одинаковые. Небрежно поглядев в медицинские документы и разные свидетельства, они напрашивались в амбулаторию и буквально вымогали дефицитные лекарства, а то и что-нибудь из хирургических инструментов, не брезговали эти хлопцы и флотской говяжьей тушёнкой. Бакшиш — дело на Востоке святое, но тут они явно перегибали... Хотя жаловаться грех: в те времена Родина в лице тыла Черноморского флота на боевые службы снабжала «под завязку». Да и особого выбора не было: не дашь — не подпишут «ибибтяне» добро на проход. Куда деться — давали, хотя в море и трудно добывать медикаменты: аптек там отродясь не водилось, а запас — он тоже не резиновый. Однако симптомы амфибрахийной асфиксии (по-простому — «жаба душит») при этом у меня всегда присутствовали. Поэтому алчность береговых коллег взывала к отмщению.

Жертвой мелкой, хотя и интеллигентной мести пал санитарный доктор из Порт-Саида, прозванный нами Абдуллой за выраженное сходство с одним из героев «Белого солнца пустыни». Я побеседовал с коллегами с черноморского госпитального судна «Енисей», которые дружно поддержали решение «обуть Абдуллу», и мы вместе с боцманом начали подготовку. Отшлифовали до зер-

кального блеска списанный полевой комплект хирургических инструментов, переклеили этикетки с говяжьей тушёнкой на банки с пряной свиной, которая в тропиках буквально не лезла в глотку. Привели в товарный вид коробку с банками витаминов «Гексавит», которые ребята категорически отказывались принимать, подозревая в них (совершенно безосновательно) наличие брома, якобы негативно влияющего на потенцию. Кстати, байки про бром гуляют на флоте ещё со времён царя-батюшки.

И вот мы идём из Севастополя домой, во Владивосток. Снова Порт-Саид, снова досмотр и снова (о счастье!) на борту — Абдулла, и даже не один, а с дюжим малым при громадном портфеле и в некогда белом халате — видимо, санитаром. Наверное, решил срубить бакшиш по-крупному. Как обычно, спустившись с мостика, делегация пожаловала ко мне в медицинский отсек. По-хозяйски ткнув толстым пальцем в заранее разложенные, нестерпимым блеском сияющие инструменты и лекарства, Абдулла довольно пошевелил шнобелем и перенёс внимание на коробку с «Гексавитом». Глаза его алчно блеснули: похоже, он понимал толк во флотских витаминах. Вери велл!

Палец-сарделька ткнул в коробку с тушёнкой. Абдулла строго спросил:

— Хрю-хрю?

— Ноу, сэр! Му-му! Отвечаю!

Санитар шустро загрузил добычу в безразмерный портфель. Абдулла поставил закорючку в судовых бумагах и, пыхтя, удалился.

— Док, а ему от аллаха ничего не будет, за свинину-то? — спросил боцман.

— Думаю, что ни хрена не случится. Он же не ведал, что сотворит. Ну и, наверное, коптам потом впарит, когда расчухает, они ведь христиане и от свининки-то уж точно не откажутся. Хотя у нас в армии и татары, и узбеки сало наворачивали — будь здоров!

Катер с властями отошёл от борта и отправился дальше по рейду Суэца. Мы с боцманом стояли у борта, задумчиво глядя им вслед. Состоявшаяся месть уже не радовала — ну обули и обули напоследок мелкого коррупционера Абдуллу. Экое, понимаешь, событие!

А ведь, поди ж ты, спустя много лет этот случай помнится...

Особенно сейчас, когда у нас так «лихо» взялись за искоренение коррупции.